

А. Я. КАКОВКИН

ЭРМИТАЖНАЯ КОПТСКАЯ ТКАНЬ ИЗ СОБРАНИЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА

18 августа 1938 г. Отдел учета и хранения памятников Эрмитажа закончил оформление документов о передаче музею Институтом истории АН СССР (Ленинградский филиал) собрания академика Н. П. Лихачева. Значительную часть его коллекции составляли произведения, относящиеся к христианскому (коптскому) периоду истории Египта. Это были разнообразные памятники шьемности на греческом, коптском, арабском языках (осираки, папирусы, пергамены, бумага, каменные плиты, деревянные поделки и др.), надписи из известняка и песчаника, изделия из глины, ткани.¹ Об одном из тканых образцов из этого собрания, приобретенного его бывшим владельцем, по-видимому, во время его пребывания в Каире летом 1908 г. и занесенного в Инвентарную книгу сектора Древнего Востока под № 13251 (см. рисунок), и пойдет речь.

Он представляет собой вытканый в льняное полотно двухцветный (красный с бледно-желтым) медальон довольно хорошей сохранности (наибольший диаметр 7 см), в котором в гобеленовой технике представлена следующая сцена. Слева стоит, несколько склонившись на бок и скрестив ноги, обнаженный мужчина, голова его повернута в левую сторону, в правой руке у него виноградная гроздь, в левой — чаша; у его ног сидит пантера. За его спиной два побега, заканчивающиеся у его правого плеча листьями плюща. В правой части медальона — два крылатых человечка: сверху, летящий, увеличивает мужчину короной, внизу, коленипреклоненный, протягивает ему птицу. Оба, как и мужчина, с повернутыми влево головами. Формы персонажей несколько утрированы, но пропорции сохранены; композиция удачно сбалансирована. Обрамляет медальон волнообразный орнамент. Надписей нет.

Хорошая сохранность памятника, его небольшие размеры, необычная композиция, по-видимому, побудили устроителей открыв-

¹ Публикации хранящиеся в Эрмитаже коптских памятников из бывшего собрания Н. П. Лихачева представлены в юж.: *Coptica Hermitagica: Сборник материалов. К 100-летию коптской коллекции Эрмитажа*. СПб., 2000.

Дионис, зрэг и пантера.

Ткань, Гобеленовая техника. Египет. V в. Гос. Эрмитаж. № 1325.

шейей в 1935 г. в Эрмитаже первой постоянной выставки «Греко-римский и византийский Египет» включить его в экспозицию. Это нашло отражение в издании в 1939 г. «Путеводителя» по этой выставке, составленном М. Э. Матее и К. С. Ляпуновой. В нем об этой ткани писалось: «Ткань, гобеленовой техники; медальон, Лен, шерсть. Лиловой узор по красному фону. Дионис, пантера и два зрота. V в.»² Фигурировал медальон и в статье К. С. Ляпуновой, посвященной образу Диониса и коптскому ткачеству,³ а также в каталожной части книги М. Э. Матее и К. С. Ляпуновой «Художественные ткани коптского Египта», вышедшей в свет в 1951 г.⁴ Позднее ткань была представлена

² Матее М. Э., Ляпунова К. С. Государственный Эрмитаж: Греко-римский и византийский Египет. Путеводитель по выставке. Л., 1939. С. 27, № 10.

³ Ляпунова К. С. Изображение Диониса на тканях византийского Египта // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л., 1940. Т. 3. С. 155—156. Табл. IV, 2.

⁴ Матее М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани коптского Египта. М.; Л., 1951. С. 109, № 74, табл. XX, 1.

на последней в Эрмитаже постоянной экспозиции коптского искусства (1954—1965 гг.) и на нескольких временных выставках: «Коптское искусство», просуществовавшей три недели в зале № 89 Зимнего дворца весной 1987 г., «Из коллекций академика Н. П. Лихачева», развернутой в залах Русского музея в 1991 г.,⁵ а также на приуроченной к 100-летию юбилею коптской коллекции Эрмитажа выставке в залах Зимнего дворца (октябрь 1999—март 2000 г.).⁶

Краткие каталожные описания памятника безусловно не соответствуют его важному историко-художественному значению. Цель данной работы — восполнить этот пробел: проследить на его примере трансформацию образа Диониса от античности до средневековья на берегах Нила, а также определить место медаллона среди многочисленных тканей с такого рода тематикой и его значение.

Публикаторы ткани перпо определили представленных на ней действующих лиц. Выделенный своими размерами главный персонаж несомненно Дионис/Вакх, на это указывает часто повторяющаяся на памятниках античного и коптского искусства его характерная поза и присущие ему атрибуты: пантера, чаша, кисть винограда, шлем; обычно рядом с ним и крылатые человеческие фигурки, которых называют по-разному: путты, генимы, тротами (для меня в данном случае предпочтительно последнее наименование).

Как известно, у коптов, как ни у какого другого народа, исповедующего христианство, долго, на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры, жило языческое наследие, особенно явно проявившееся в художественном творчестве. Большинство обитателей Олимпа и множество героев и героинь греко-римской мифологии и литературы нашли разнообразное воплощение в творениях на берегах Нила как пришлых, так и местных мастеров.⁷ Особенно много от той поры дошло до нас самых разных по материалам и технике исполнения произведений, на которых запечатлен образ Диониса. Посвящались ему и поэтические творения. Так, поэт-эпик V в. конст. Нони Папостоитиванский, автор гекзаметрического переложения Евангелия от Иоанна, написал и поэму «Деяния Диониса» объемом в 48 книг.⁸

Ученые давно нашли убедительное объяснение такой широкой популярности в Египте Диониса. Почитание этого бога принесли в долину Нила греки, колонии которых здесь появились едва ли позже VII в. до н. э. С подчинением страны фараонам Александром Македонским и основанием им «жемчужины Средиземноморья» — Александрии — культ этого бога приобрел еще большие масштабы. Современники Александра рисовали его победоносное продвижение на Восток как повторение блистательного похода в Иудию Диониса. Сам Александр провозгласил себя Новым Дионисом. Его политические послед-

⁵ Из коллекции академика Н. П. Лихачева: Каталог выставки, СПб., 1993, С. 41, № 12.

⁶ Кижовкин А. Я. Секретища коптской коллекции Государственного Эрмитажа: Каталог, СПб., 2004, С. 63, № 7к.

⁷ Общие вопросы и основную литературу по этой проблематике см.: Кижовкин А. Я. Античное наследие в искусстве коптского Египта // ВДИ. 1997. № 1. С. 124—133.

⁸ Нони Папостоитиванский. Деяния Диониса, СПб., 1997.

ники в Египте — Птолемен — шушали, что род их происходит от этого бога, а каждый из них является новым воплощением Диониса.⁹ По всеобщему получению широчайшее распространение мистерии в честь этого побеждающего смерть бога, т. е. бога-спасителя.¹⁰

Такого же рода почитание Диониса главным образом было свойственно грекам и в эллинизированной верхушке коренных жителей долины Нила. Было и еще — едва ли не самое важное — обстоятельство в принятии многонациональным населением Египта этого бога. В эллинистическую эпоху на Востоке происходил процесс слияния местных и принесенных культов и богов. Особенно интенсивно он проходил в Египте. Здесь многие античные боги и герои слились с местными божествами и в таком синкретическом виде стали еще ближе к народу и этническому отношению населения долины Нила. Кроноса отождествили с Гебом, Зевса приравнили к Амопу, Аполлона слили с Гором, Гекатей стал соответствовать Птаху, Гермеса преобразили в Тота, Афродиту объединили с Хатхор и с Исидой. Образ Беса стал прототипом образа Сивена и (как это ни может показаться невероятным) объединился с Гераклом. Пан заменил Мина. Ганимед стал олицетворять божка нечистики Нила. Мать Аполлона и Артемиды Латуру приравнили к богине Буте. Поэты отождествили Прима с Гарпократом.¹¹

Особенно наглядно процесс объединения черт и функций греческих и египетских богов проявился в образе Диониса, которого не просто отождествили, но почти полностью слили с одним из самых почитаемых местных богов, одним из вершителей участи умерших — Осирисом. В немалой степени способствовало этому то, что в судьбах этих принадлежавших разным народам богов легко просматривались общие черты, главные из которых — их насильственная смерть (и тот и другой были растерзаны на куски: Осирис — Сетом, Дионис — титанами, откуда и наименование греческого бога Зигрей, т. е. «растерзанный»), возвращение к жизни и обретение обоими бессмертия. Древняя традиция (Herod. II, 42) отождествления Осириса с Дионисом прослеживается у многих языческих и раннехристианских авторов (Auson. Epigr. 48 (30), 49 (29); Myth. Vat. II (92); Euseb. Praep. Ev. III, 11.49; Cosm. Hier. Comm. Carm. Greg. Naz. II, 269; Suid. s. v. *Ὀσίρις* и др.).

⁹ Липунов К. С. Изображение Диониса... С. 149—150.

¹⁰ Nilsson M. P. Dionysiac Mystery of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957. На родине такие дionyсийские мистерии включали в себя и как-то своеобразной жертвы без умерщвления людей. До сих пор часть исследователей видит отражение этого ритуала в спехах на определенной группе коптских таинств. История вопроса, характерные памятники и таинств системы и их новое осмысление приведены в моей статье: От языческого убийства к Библейскому жертвоприношению: (На материале контекста таинств) // ИИС: Сборник памяти Н. В. Пунтусской. СПб., 1998. Вып. 98 (35). С. 185—195.

¹¹ Religions en Egypte hellénistique et romaine // Colloque de Strasbourg (16—18 mai 1967). Paris, 1969; Dumand F. Les syncretismes dans la religion de l'Égypte romaine // Les syncretismes dans les religions de l'Antiquité: Colloque de Sésaçon (22—23 octobre 1973). Leiden, 1975; Кавткова А. Я. Греко-римские боги и герои в стране фараонов // Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования: Материалы IV Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. Апрель. 1997. СПб., 1997. С. 16—17.

С утверждением христианства изжили себя знаменовавшие возрождение богов к новой жизни, посвященные им осиротевшие и дионисийские¹² мистерии. Но в сознании народа прочно укоренились соединенные с образами этих богов — некое мистическое (Осириса) и привнесеное (Диониса) — многовековые жизнеутверждающие мотивы, самым непосредственным образом связанные с представлениями о бессмертии.¹³ Естественной реакцией людей (будь это грек или египтянин) на возможность обретения вечной, благополучной жизни была радость, веселье, ликование. Особенно это свойственно образу Диониса. Недаром у греков было и еще одно наименование этого бога — Элевтерий, или Лизей (латинский эквивалент которому — Либер), т. е. освободитель. По-видимому, понималось это как отстранение неприятностей, печалей, болезней, словом, всего того, что не способствовало созданию атмосферы беззаботной, радостной жизни. Наглядно и убедительно это проявилось в представлениях о Дионисе. Недаром еще троянские герои называли его «радостью смертных» и восхваляли изобретенное им вино как божественный напиток (отсюда едва ли не главный атрибут этого бога — конфар или чанча, послужившие наименованию Диониса «Чашечником»; потому-то обычно его сопровождали подвыпившие, веселящиеся, танцующие, мушкетирствующие, одним словом, радующиеся жизни, ее красоте и изобилию традиционные спутники: Пан, менады, сирены и др.). Такого рода «идейная» подкладка обусловила «поглощение» образом молодого греко-римского бога образом старого, почитавшегося многими столетиями местного бога. Способствовало почитанию Диониса египтянами и предание, согласно которому он был гостем местного царя Протея (кетати, верили, что был здесь) и Геракл — самый популярный в Египте герой-олимпиец.¹⁴ Нельзя не отметить и того обстоятельства, что, по легенде, Дионис спускался в царство Анка, откуда вывел свою мать. Семелу на Олимпе, сделал тем самым ее бессмертной. Поэтому-то он почитался покровителем душ умерших. Все это способствовало популярности Диониса в самых широких массах населения и распространению его образа в искусстве, особенно убедительно и в равнообратных формах проявленному на берегах Нила.

В мире, в котором утверждалась новая религия, перед его апологетами встал серьезный вопрос согласования с христианскими воззре-

¹² С последними были тесно связаны орфические мистерии (*Fischer R. Orphisch-dionysische Mysterien-Gedanken in der christlichen Kunst. Leipzig, 1925*). И в тех и в других явно просматриваются значительные соприкосновения греческих верований с египетской мифологией.

¹³ *Bonnet H. Realexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952. S. 568—578; Manne M. Э. Древнеегипетские мифы. М., Л., 1956. С. 52—63, 94—95, 112—119, 144, 147—150; Metzger H. Dionysos chthonien d'après les monuments figurés de la period classique // Bulletin de correspondance hellénique. 1944/45. T. 68/69. P. 256—339; Dargatzis W. A. Dionysos der Erbauer. Griechische Mythen im spätantiken Syrien. Mainz am Rhein, 1985; Decker J. Dionysos der Erbauer // Römische Quartalschrift. 1986. Bd 81. S. 145—162.*

¹⁴ *Какопова А. Я. Образ Геракла в искусстве эллинистического и константинопольского искусства // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (май 1988 г.) / Тез. докл. докл. Ереван, 1988. С. 30—32.*

ниями продолжавших существовать языческих представлений и образов. И решение этого вопроса, в первую очередь Угустином Философом, или Мучеником (ум. ок. 165), Климентом Александрийским (ум. ок. 220), Оригеном (ум. ок. 253 или 254), Евсевием Кесарийским (ум. 339), Григорием Назианзином (ум. ок. 390) и другими, было найдено. Некоторые языческие божества и герои стали трактоваться теологами как прообразы христианских персонажей, а кое-кто из них даже осмыслялся как прототип Иисуса Христа. По неоплатонической традиции, Аполлон и Артемиды соответствовали Христу и Богородице.¹⁵ Во многом подобным образом Геракле рисовал образ евангельского Иисуса оратор Дион Хрисостом (I—II вв.).¹⁶ Широко известно, что Орфей христианами воспринимался как Адам в раю, Добрый пастырь и даже как символ Христа.¹⁷ Известно, что Климент Александрийский призывал язычников обратиться к новому Орфею — Христу, полному откровению космического и исторического Логоса.¹⁸ Теологи находили символические параллели даже между образами Александра Македонского и Христа.¹⁹

Естественно, что богословы не могли оставить без внимания и образ Диониса. Особенно показательны в этом отношении воззрения Угстина. По его мнению, Логос проявился не только в Библии, но и в языческой мудрости. Поэтому-то в мифах о Дионисе, Геракле, Асклепии он склонен был видеть искаженные библейские пророчества о Христе.²⁰ Характерно, что особенно много параллелей философ находил между Дионисом и Христом: отцами у них были боги, матери — земные женщины; от родителей оба унаследовали и божественное, и человеческое; оба были убиты, спускались в преисподнюю и воскресли. В этой связи любопытно (не бесспорное, на мой взгляд) толкование некоторыми специалистами встречающегося в контексте ткачества мотива — Дионис, льющийся из сосуда в шесть пингтерев вино, — как прообраз приращения.²¹

¹⁵ *Wied E.* Pagan mysteries in the Renaissance. New York, 1968. P. 241—244.

¹⁶ *Нахов И. М.* Книжеческая литература. М., 1981. С. 183.

¹⁷ *Христианский*, аримандрит Древней христианской иконографии как выражение преемственности и вероисповедания. М., 1896. С. 165—167; *Boulenger A.* Orphée. Rapports de l'orphisme et du christianisme. Paris, 1925. Аллегорически интерпретировали миф об Орфее многие христианские писатели: Климент Александрийский, Василий Великий, Амвросий, Феодор Антиохийский и др.

¹⁸ *Климент О.* Истоки Богословия отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. М., 1994. С. 357.

¹⁹ *Кистовский Е. А.* Александр Македонский в литературе и фольклорной традиции. М., 1972.

²⁰ *Берков В. В.* Эстетика поздней античности: II—III века. М., 1981. С. 70. Характерно в этой связи верное замечание Вяч. Иванова: «Дионисийство, погребенное древностью, возрождается — не на одно ли мгновение? — в новозаветности, в всевидии Диониса с тирсом-крестом» (*Наше Веч. Движение и правдолюбивство*. Гакку, 1923. С. 41).

²¹ *Berliner R.* Hecetman in tapestry roundels found in Egypt // *Textile Museum Journal*. 1963. Vol. 1, N 2. P. 39. Fig. 15.

С пересемлением христианами языческих образов можно, по-моему, связать непонятный конспектив мастерами своеобразный прием «окрашивания» таких образов: нередко они сплывали и изображения античных героев и богов (а также живот-

Возвращаясь к рассматриваемому памятнику, отмечу, что едва ли у какого-либо другого народа, исповедующего христианство, можно встретить так много изображений Диониса, как у коптов. Его образы встречаются в металлопластике, в каменной скульптуре, в изделиях косторезов, и больше всего — в ткачестве.²² Репертуар тканых изображений необычайно широк: обычны изображения бога с пантерой, со сношей традиционной веселящейся свитой или отдельными ее представителями; есть сцена триумфа бога, которым закончился его победоносный поход в Индию; нередки его изображения в обществе своей возлюбленной Ариядны; встречаются памятники, на которых рядом с богом присутствует Геракл.²³ Поражает не только многовариантность сцен с Дионисом, но и разные размеры памятников: от не превышающих десятка сантиметров (как рассматриваемый медальон) до полотенц в несколько квадратных метров (фрагментированная завеса IV в. размером 7,30 м на 2,20 м из Фонда Абетта (инв. № 3100a) в Риттсберге и несколько меньшая по размерам завеса того же времени, от которой дошли до нас три фрагмента, хранящиеся в том же Фонде Абетта (инв. № 1637) и музеях Бостона (инв. № 1973, 290) и Киншленда (инв. № 75.6)).²⁴

Размеры медальона позволяют предположить с большой долей вероятности, что он служил нагрудным украшением туники. Композици-

ных и фантастических существ) крестами. В таких случаях крест наверняка не только символизировал победу над демоническими силами, одиознейшими всем этим образами, но и тем самым как бы инспирировал их в качестве принадлежности, одновременно, покое, и освящал их благодатью, т. е. делал святыми. Не избежал такого приема и Дионис; см., например, его изображение на клавье VIII в. из собрания Музея искусств (инв. № 12 795) в Дюссельдорфе: *Frühchristliche und koptische Kunst*. Wien, 1964. S. 199, N 614, Abb. 134. В связи с этим памятником несколько уместно будет привести еще замечание Вяч. Иванова:

²² Литература о роле Диониса/Вакха в долине Нила, объяснении его образа, описания многоцветных художественных памятников с его изображениями неограниченны. Отметим только самые важные, на мой взгляд, работы: *Давулова К. С.* Изображение Диониса... С. 149—159; *Whittemore Th.* An Epirhancic of Dionysos // *Coptic studies* of W. E. Crum, Bulletin of the Byzantine Institute of America. Boston (Mass.), 1950, Vol. 2. P. 541—553; *Leuzen P. F.* The Triumph of Dionysos on textiles of Late Antique Egypt. Berkeley, Los Angeles, 1960 (University of California Publications in Classical Archaeology, Vol. 5, N 1). P. 1—38; *MacMillan Arcusberg S.* Dionysos a Late Antique tapestry // *Boston Museum Bulletin*, 1977, Vol. 75, P. 4—25; *Brun de Saint Hippolyte.* La contamination du mythe d'Osiris et du mythe de Dionysos dans les tissus coptes. Paris, 1984; *Del Francia L.* 1) Elementi dionisiaci e loro significato nella produzione figurativa dell' Egitto tardo-antica // *Gli intercambi culturali e socio-economici fra l'Africa settentrionale e l'Europa mediterranea: Atti del Congresso Internazionale di Amalfi*, 5—8 dicembre 1983, Napoli, 1986, P. 261—277; 2) La imagerie Dionysiaque en Egypte // *Studien zur altägyptischen Kultur*, Beihefte, 1991, Bd. 5; *Henck Allen S.* The True Vine: Dionysiac imagery in Coptic textiles and Later Medieval art // *Survival of the Gods*, Providence, 1987.

²³ *Киселевич А. Я.* О двух коптских тканях с изображениями двенадцати подвигов Геракла // *Индия и Ближний Восток* (памяти А. П. Банк). Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 41—54. Тесная связь между Гераклом и Дионисом рассмотрена Вяч. Ивановым в его книге «Дионис и прадонисийство» (с. 69—71). Характерно в связи с образами бога-спасителя и героя-спасителя — верное замечание автора на с. 70, что они оба служат мистическим зельем, соединяющим мир живых и мирши робыаи.

²⁴ *Rutschowskaya M. H.* *Tissus coptes*. Paris, 1990. P. 84—85, 86—87.

ция изображения указывает на то, что размещался медальон на правой части туники. В пандаи ему на левой части туники должен был находиться другой медальон с изображением, композиционно связанным с образом Диониса. Исходя из позы бога и положений эротов, один из которых увенчивает Диониса короной, а второй протягивает ему подношение, можно предположить, что в другом медальоне должен был находиться персонаж, близкий по смысловому значению Дионису. И персонажем этим, скорее всего, могла быть верная спутница бога, его жена, дочь критского царя Миноса красавица Ариадна.²⁵ В коптском ткачестве немало изображений этой супружеской пары, относящихся к широко распространенному в позднеегиптском искусстве мотиву «побовиной пары», который является иллюстрациями к созданному в Александрии Катоколу подобных пар,²⁶ кетати, необычайно популярному у коптских ткачей.²⁷ Наглядным примером тому могут служить квадратные вставки с погрудными изображениями Диониса и его избранницы из собрания Лувра.²⁸

Установлено, что коптские мастера, создававшие такие изображения, копировали античные памятники. Для ткачей образцами служили альбомы пантурсов с рисунками, мозаичные и живописные произведения, вазонные, скульптурные и тканые изображения. Для мастера нашего медальона образцом послужил, вероятно, памятник живописи. Мне представляется, что на нем была изображена постресшая по принципу симметрии сцена брачного союзя Диониса и Ариадны. Левую часть сцены занимал Дионис, в правой была его избранница. Как и бог, она, скорее всего, также была изображена в общепринятой крылатых человечков. Один из них — тот, что внизу, олицетворял традиционные подношения супругам. Другой увенчивал Ариадну короной-венком. Это мог быть светящийся венок работы Гефеста — подарок, который преподнесли ей богиня любви Афродита и покровительница брака, богиня семейного счастья Гера. Или же это было традиционное в такого рода сценах изображение ритуала, в котором эрот, осеняя влюбленных венком-короной, олицетворял собой благословение на брак (подобный мотив присутствует и в сценах свадебного corteja Диониса и Ариадны на нескольких коптских тканях, хранящихся в музеях Лиона, Лондона, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка, Дюссельдорфа).²⁹ Ткань разделили эту сцену на две части, физически отделив друг от

²⁵ Cardeet P., Darmon J. P. Dionisos et Ariane. Deux nouveaux chefs d'œuvre inédits en mosaïque dont in situ au Proche-Orient ancien (III—IV siècle après J. C.) // *Monuments et mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres* // Fondation E. Piot, 1989. Vol. LXX. P. 1—28.

²⁶ Талитой Н. И. Статьи о фольклоре. М., 1966. С. 215.

²⁷ Nawroth C. Mythologische Liebespaare der spätantike Dargestellt an Beispielen aus der koptischen Kunst // *Dielheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirche*. Dezember 1988. N 25. S. 97—108.

²⁸ Bourguet P. *du. L'art copte*. Paris, 1968. Цв. илл. на с. 102 и 103.

²⁹ Лион, Музей тканей (*Визит-Анн* 7. Les tapisseries coptes du Musée Historique des tissus, Lyon, Montpellier, 1993. P. 59, Pl. 34); Лондон, Музей Виктории и Альберта (*Kentrick A. F. Catalogue of textiles from buryngrounds in Egypt*. London, 1920. Vol. 1. P. 61. N 46. Pl. XIII); Санкт-Петербург, Эрмитаж (*Бок В. Г. О коптском искусстве: Коптские*

друга возлюбленных, но в то же время композиционно сохранив их единство: персонажи смотрят друг на друга.

Эти медальоны наверняка служили нагрудным украшением туники: Дионис располагался на правой стороне, Ариадна — на левой. Естественно, что этими изображениями убранство туники не ограничивалось: ворот, края рукавов, подоя также снабжались ткаными вставками (которые принято называть «клавигатурой»). Учитывая многочисленные ткани с дионисийской тематикой, можно без труда представить изобразительный репертуар этих вставок. Скорее всего, он включал в себя сборщиков винограда, танцоров, музыкантов, а также служивших атрибутами Диониса животных (пантер, волков, котлов, дельфинов, ослов, тигров, зайцев³⁰ и др.) и растений (виноградной лозы, плюща и др.). Специфика изображения медальона, по-моему, позволяет предположить, что туника, которую он украшал, предназначалась в качестве свадебного подарка. Украшавшие ее изображения олицетворяли традиционные во все времена и у всех народов пожелания новобрачным любви (олицетворенной образами Диониса и его избранницы), многочисленного потомства (олицетворением которого вполне могли быть представленные тут же эроты), богатства (в образах подношений) и т. п. Но, заверное, главное в осмыслении изображений на тунике заключалось в другом. Помимо восприятия большинства из них как оберегов, их воспринимали и как спасительные эмблемы. Во всяком случае, относительно главных персонажей это бесспорно: Ариадна (по материнской линии внучка Гениоса) так же, как и ее супруг, почиталась спасительницей:³¹ «благодаря ей афинский герой Тезей и его товарищи, обреченные на съедение Минотавром, были спасены, а олицетворявшие смерть чудовище убито. Спасительные функции этих героев еще раз подтверждают убедительность доводов о том, что большинство изображений на коптских тканях (будь это мотыли, замаскированные из древнего Египта, герои греко-

уживающие ткани // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 году. М., 1897. Т. 3. С. 230. № 36. Табл. XVI. 3; *Литвинова К. С.* Коптская ткань с мифом о Геракле // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л., 1939. Т. 1. С. 211—218. Табл. между с. 216—217; Нью-Йорк. Музей Метрополитен (*Stauffer A.* Textiles of Late Antiquity. New York, 1995. P. 44. N 11); Дюссельдорф. Музей искусства (инв. № 12.779); ткань из колл. Ф. Бокса; не издавалась).

³⁰ С этим зверьком связаны любопытные совпадения, касающиеся Озириса и Диониса. С зверьком связывают один из титулов египетского бога (*Gayer A.* L'art copte. Paris, 1902. P. 87; *Goodenough E. R.* Jewish symbols in the Greco-Roman period. New York, 1958. Vol. 8. P. 88). Он же является зооморфной эмблемой Диониса (*Ibid.*, P. 88—89, 94—95). Не обошли вниманием зайца и богословы. Например, Тертуллиан (ум. ок. 225) толковал его как олицетворение скоротечной жизни и вечности (*Egger G.* Bemerkungen zur koptischen Ikonographie // *Beiträge zur Kirchengeschichte und Archäologie des Frühmittelalters.* Graz, Köln, 1962. S. 39). Заяц символизировал и тех, кто видел в Христе спасение (*Ferguson G.* Signs and Symbols in Christian art. Oxford, 1954. P. 20), что, по-моему, интуитивно проявляется в многочисленных изображениях зайцев, гризущих виноградные ягоды (см.: *Мотыль М. Э., Литвинова К. С.* Художественные ткани... Табл. XXVIII, 4, 5).

³¹ *Murini A. M.* Il mito di Arianna // *Atene e Roma.* 1932. T. 1/2. P. 60—97; T. 3/4. P. 121—

142.

римской мифологии и литературы, персонажи Ветхого и Нового Заветов, христианские святые и символы и т. п.) служило их владельцам своеобразными оберегами, обеспечивающими благополучие, защиту, спасение из земле и беспечальную вечную жизнь за гробом.³²

ZUSAMMENFASSUNG

Im Artikel handelt es sich um ein Stoffmedaillon aus dem 5. Jh., auf dem Dionysos dargestellt wird (ГЭ, инв. № 13251). Die Pose des Gottes und der ihn umringenden Eroten lassen uns vermuten, daß dieses Medaillon früher höchstwahrscheinlich ein Hochzeitsgewand geschmückt hatte. Es gab auch ein Pendant dazu, ein zweites Medaillon, auf dem die Geliebte des genannten Gottes — Ariadne — zu sehen war. Die Darstellung dieses Liebespaares wurde auf den koptischen Stoffen sehr verbreitet.

³² *Кавковит А. Я.* 1) К вопросу о символике и изображений на коптских тканях // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения / Сб. к 75-летию академика Б. Б. Piotrowsкого. Л., 1985. С. 209—215; 2) Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. статей. Л., 1988. С. 37—66; *Maguire H.* Garments pleasing to God. The significance of domestic textile designs in the Early Byzantine period // *Dumbarton Oaks Papers*. 1990. Vol. 44. P. 223—224; *Кавковит А. Я.* Опыт символического осмысления изображений на коптских тканях / Дисс. и вступ. научн. доклад на семинарии учен. степени д-ра искусствоведения. М., 1997. 42 с.